

МЕЖДУНАРОДНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА: ВАРИАНТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Юрий Германович Акимов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 21 декабря 2020 <i>Принята к печати:</i> 3 мая 2021</p>	<p>Аннотация: В статье выявляются варианты взаимодействия парадипломатии субнациональных единиц – субъектов федераций и территориальных автономий – и национальной внешней политики центрального правительства. Автор выделяет три основных типа взаимодействия: параллельное, конфликтное, синергетическое. Отмечается, что первоначально термин «парадипломатия» относился к таким внешним связям субнациональных акторов международных отношений, которые развивались обособленно от внешней политики федерального уровня (т.е. в рамках первого или второго типа). Показывается, что развитие взаимодействия между международной деятельностью национального и субнационального уровня привело к расширению понятия «парадипломатия» и появлению альтернативных терминов. Автором статьи предлагается синтетический термин <i>ауксилиарная (вспомогательная) парадипломатия</i> для описания такого варианта синергетического взаимодействия международной деятельности центра и субнациональной единицы, при котором последняя выступает в качестве инструмента достижения общенациональных задач.</p>
<p>Об авторе: профессор, кафедра американских исследований, СПбГУ e-mail: y.akimov@spbu.ru</p>	
<p>Ключевые слова: парадипломатия; субнациональные единицы; субъекты федераций; территориальные автономии; внешняя политика федерального правительства; варианты взаимодействия; ауксилиарная парадипломатия</p>	

Характерной чертой современных международных отношений является то обстоятельство, что наряду с суверенными нациями-государствами, традиционно являющимися их основными участниками, на международной арене резко увеличилась численность и возросла активность иных игроков (негосударственных, субнациональных, наднациональных, транснациональных). Особое место среди них занимают субнациональные / субгосударственные акторы – субъекты федераций, административные единицы децентрализованных государств, территориальные автономии. Они являются «государствоподобными» образованиями и нередко вполне сопоставимы по многим показателям с развитыми странами. Международная деятельность этих акторов обычно обозначается термином «парадипломатия» (также употребляются термины

«составная дипломатия», «региональная субгосударственная дипломатия», «микродипломатия» и др.).

Очевидно, что внешние связи субнационального актора не могут осуществляться без ведома и согласия (хотя бы молчаливого) соответствующего национального правительства. Более сложным является вопрос о характере восприятия парадипломатии «центром» и ее взаимодействия с государственной внешней политикой. Ответить на него, а также классифицировать и описать варианты этого восприятия и взаимодействия мы попытаемся в настоящей статье.

***

Во многих определениях парадипломатии, предложенных политологами и специалистами по международным отношениям, подчеркивается относительная ав-

тономность внешних связей ее участников по отношению к внешнеполитической деятельности соответствующих национальных государств. Этому способствует сам термин парадипломатия, точнее содержащаяся в нем приставка пара (греч. *παρά*), имеющая очень много разнообразных значений: «рядом», «за пределами», «возле», «вне», «напоминающий», «отклоняющийся от нормы» и т.д. Очевидно, именно эта многозначность и привлекла американского политолога Иво Духачека и его канадского коллегу Панайотиса Сольдатога, которые ввели термин «парадипломатия» (в его нынешнем значении) в научный оборот и популяризировали его в середине – второй половине 1980-х гг. На наш взгляд, это было обусловлено тем, что в своих работах они рассматривали, главным образом, современную им международную деятельность субъектов двух североамериканских федераций: США и Канады, где в то время штаты и провинции действовали обособленно от федеральных правительств, а в отдельных случаях шли с ними на конфликт (как в случае с канадской провинцией Квебек). Одно из первых определений парадипломатии, предложенное Сольдато-сом, звучало так: «прямое продолжение, в различной степени, международной деятельности со стороны субгосударственных правительств»¹. Со своей стороны, Духачек заметил, что в термине «парадипломатия» приставка ««пара»» точно выражает то, о чем идет речь: деятельность, параллельная макродипломатии центр–центр, часто координируемая с ней, дополняющая ее и иногда конфликтующая с ней»².

В ряде существующих определений парадипломатии также делается акцент на ее обособленности от государственной поли-

тики. Так, С. Уолф считает, что это ««внешнеполитический потенциал» субгосударственных образований (*sub-state entities*); их независимое от государства-метрополии участие в международных отношениях, направленное на достижение собственных интересов»³. По мнению С. Пакена, «парадипломатия заключается в международной политике на региональном уровне, которая отличается от международной политики центрального правительства: это параллельная дипломатия»⁴. А. Кузнецов определяет парадипломатию как «форму политической коммуникации для достижения экономических, культурных, политических или любых других видов выгод, ядро которой состоит в самостоятельных действиях региональных правительств с иностранными правительственными и неправительственными субъектами»⁵.

Одной из важнейших причин, способствовавших выходу субнациональных акторов, относящихся к индустриально-развитым странам Запада, на международную арену, было качественное расширение сферы международных контактов, наметившееся с 60-х гг. XX в. (прежде всего, конечно, это касалось совокупности самих этих стран). Помимо вопросов «высокой политики» – войны, мира, безопасности и т.п. – данная сфера стала включать вопросы «низкой политики», связанные с торговлей, инвестициями, природопользованием, иммиграционными потоками, туризмом, поп-культурой, образованием, которые затрагивали интересы значительных масс людей. В то же время во многих федеративных и децентрализованных государствах «первого мира» вышеперечисленные вопросы полностью или частично относились к ведению не национальных, а субнациональных правительств / администраций. К этому

¹ Soldatos, P. An Explanatory Framework for the Study of Federated States as Foreign-Policy Actors // *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units* / Ed. by H.J. Michelmann, P. Soldatos. Oxford: Oxford Press, 1990. P. 34.

² Duchacek, I.D. Perforated Sovereignties: Towards a Typology of New Actors in International Relations // *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units* / Ed. by H.J. Michelmann, P. Soldatos. Oxford: Oxford Press, 1990. P. 32.

³ Wolff, S. *Paradiplomacy: Scope, Opportunities and Challenges*. P. 1. Mode of access: <http://www.stefanwolff.com/files/Paradiplomacy.pdf>

⁴ Paquin, S. *Paradiplomatie et relations internationales: Théories et stratégies internationales de régions face à la mondialisation*. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2004.

⁵ Kuznetsov, A. *Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments in International Affairs*. London & New York: Routledge, 2015. Pp. 30-31.

следует добавить, что в ряде индустриально развитых стран уже тогда стали намечаться тенденции к перераспределению полномочий между центром и регионами⁶ в пользу последних («новый федерализм» в США при Никсоне).

Соответственно первые самостоятельные действия субнациональных акторов на международной арене происходили «за пределами» межгосударственной дипломатии, «вне» ее рамок, «параллельно» с «большой политикой» национальных правительств. В качестве примера можно привести торговые представительства, которые канадские провинции открывали в крупнейших городах США и европейских столицах еще в 1960–70-е гг., или зарубежные визиты американских губернаторов с целью продвижения экспорта и/или привлечения инвесторов (к 1979 г. 33 губернатора совершили в общей сложности 84 поездки⁷).

Можно сказать, что термин «парадипломатия» стал в известной степени отражением той ситуации с международной деятельностью субнациональных акторов, которая сложилась в 1960–80-е гг. Эта деятельность заняла свою обособленную «нишу» в международных отношениях и, как правило, не «пересекалась» с внешней политикой национальных государств. Последние, в свою очередь не препятствовали внешним связям входивших в их состав штатов, провинций, земель, автономий и т.п., если при этом те не ставили политических целей и не покушались на общенациональные интересы. Таким образом сформировался первый тип взаимодействия внешней политики центра и международной деятельности регионов, который можно условно назвать *параллельным*. Для этого типа характерно нейтральное отношение государства к внешним связям его субнациональных единиц.

Второй тип взаимодействия и связанного с ним восприятия появился ненамного

позднее первого. Это – *конфликтный* тип. Во многих случаях он связан с международной деятельностью субъектов федерации и территориальных автономий, имеющих выраженную национальную и/или этнолингвистическую специфику. Пожалуй, наиболее ярким представителем субнациональных акторов такого рода является канадская франкоязычная провинция Квебек. В 1960-е гг. там начался подъем франко-канадского национального движения – «Тихая революция». Одним из ее проявлений стало стремление франко-канадцев, составляющих абсолютное большинство в Квебеке, но являющихся меньшинством в Канаде, использовать квебекские провинциальные институты для выражения своих коллективных интересов в том числе и на международной арене. С начала 1960-х гг. Квебек стал налаживать прямые контакты с «родственной» ему Францией. В 1965 г. между Парижем и г. Квебек было заключено первое «диагональное» (суверенное государство – субнациональный актор) соглашение о сотрудничестве в сфере образования. В том же году министр образования и вице-премьер тогдашнего квебекского правительства (кстати, в целом настроенного вполне профедералистски) Поль Жерен-Лажуа сформулировал доктрину внешней пролонгации внутренних компетенций, которая стала основой международной деятельности провинции⁸. В 1967 г. состоялся визит в Канаду президента Франции Шарля де Голля, в ходе которого в Монреале он произнес речь, в финале которой прозвучал лозунг «Да здравствует свободный Квебек!». Эта речь была восторженно воспринята значительной частью франко-канадского сообщества, но вызвала крайне негативную реакцию у федерального правительства и у жителей «Остальной Канады». В феврале 1968 г. министр образования Квебека в обход федерального правительства принял участие в конференции министров образования франкоязычных стран, проводившейся в Либревиле (Габон). Таким образом был создан важный прецедент присутствия представителя субнационально-

⁶ В данной статье термин «регион» используется исключительно для обозначения субнациональных единиц.

⁷ McMillan, S.L. Subnational Foreign Policy Actors: How and Why Governors Participate in U.S. Foreign Policy // Foreign Policy Analysis. 2008. Vol. 4. P. 231–232.

⁸ Les relations internationales du Québec depuis la Doctrine Gérin-Lajoie (1965–2005): Le prolongement externe des compétences internes / Sous la direction de St. Paquin. Les Presses de l'Université Laval, 2006. Pp. 295–282.

го несuverенного актора в кругу представителей суверенных государств. Это перепополнило чашу терпения Оттавы, которая с этого момента стала стремиться ограничить внешние связи Квебека, особенно на французском и франкофонном направлении, рассматривая их, с одной стороны, как угрозу единству канадской внешней политики, а с другой – как фактор, поощряющий сепаратистские или, по крайней мере, партикуляристские настроения в провинции, тем более, что официальный Париж (прежде всего, в лице самого президента де Голля и ряда представителей его ближайшего окружения) явно демонстрировал свою благосклонность к возможному изменению ее статуса. На протяжении полутора десятков лет (вплоть до середины 1980-х гг.) Канада тормозила идею проведения саммита франкоязычных государств, чтобы не допустить участия там Квебека. Оттава также стремилась нейтрализовать усилия квебекской стороны по разработке собственных программ международной помощи и сотрудничества с развивающимися странами, а также препятствовала попыткам Квебека проникнуть в межгосударственные организации и структуры.

Противостояние канадского федерального правительства и Квебека происходило в достаточно мягкой и демократичной форме и напоминало скорее перетягивание каната, а не силовую борьбу. Тем не менее, определенная конфликтная составляющая в федерально-провинциальных отношениях по поводу внешних связей была налицо. В наибольшей степени это касалось тех периодов, когда у власти в провинции находилась квебекская партия (*Parti Québécois, PQ*), выступавшая за ее суверенитет и дважды проводившая референдумы по этому поводу (1980 и 1995 гг.). Соответственно тогда квебекские власти стремились создать благоприятные внешние условия для реализации «суверенистского проекта», а федеральный центр всячески противодействовал этому⁹. В начале XXI в., когда популярность сепаратистских лозунгов в Квебеке существенно снизилась, по многим

вопросам международной деятельности, ранее вызывавшим конфликты, федеральным и провинциальным властям удалось сначала достичь компромисса, а затем наладить конструктивное взаимодействие, отвечающее интересам обеих сторон. В то же время это не исключало отдельных столкновений, поскольку Квебек продолжает жестко стоять на страже своих интересов. Как выразился Жан Шаре – убежденный федералист, занимавший пост премьер-министра провинции в 2003-2012 гг. – «в том, что касается защиты нашей идентичности, мы, федералисты, являемся столь же агрессивными, как и суверенисты»¹⁰.

В первой половине 2000-х гг. для описания международной деятельности Квебека и других субнациональных акторов с национальной / этно-лингвистической спецификой (Каталонии, Фландрии, Шотландии и т.п.) канадский политолог С. Пакен предложил использовать термин «идентификационная парадипломатия»¹¹. Он справедливо отметил, что она отнюдь не всегда связана с сепаратистскими настроениями. Однако, поскольку ее движущей силой является национализм миноритарной нации, стремящейся в том числе к международному признанию, значительный конфликтный потенциал в ней, безусловно, имеется¹² (как часто и в какой форме он проявляется – другой вопрос).

Говоря о конфликтном типе взаимодействия парадипломатии субнационального актора и внешней политики национального правительства (и соответственно негативном/настороженном/враждебном отношении центра к внешним связям регионов) нужно

⁹ Histoire des relations internationales du Québec / Sous la direction de Stéphane Paquin avec la collaboration de Louise Beaudoin. Montréal: VLB éditeur, 2006. Pp. 135-146.

¹⁰ Цит. по: Paquin S., Jeyabalaratnam G. La politique internationale du Québec sous Jean Charest: l'influence d'un premier ministre // *Revue Québécoise de droit international*, 2016, Hors-série, Juin, p. 170.

¹¹ Paquin S. *Paradiplomatie et relations internationales: Théories et stratégies internationales des régions face à la mondialisation* / S. Paquin. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2004. P. 73.

¹² Lequesne Ch., Paquin S. Federalism, Paradiplomacy and Foreign Policy: A Case of Mutual Neglect // *International Negotiation*, 2017, Vol. 22, p. 188.

отметить еще два момента. Первый заключается в том, что этот тип взаимодействия может иметь несколько разновидностей или степеней: от относительно мягкой «составительной», до жесткой «запретительной» и даже «репрессивной», когда центр дезавуирует те или иные действия региона на международной арене.

Второй касается того, что конфликтный тип не обязательно всегда связан с националистическими и тем более сепаратистскими устремлениями регионов. В его основе могут лежать экономические причины – прежде всего, диспропорции в региональном развитии, когда более развитый и/или зависимый от внешней торговли и инвестиций регион стремится к продвижению своих интересов на международной арене (имея для этого больше возможностей) и наталкивается на сопротивление центра. Отдельно стоит упомянуть ресурсный фактор – многие ресурсодобывающие регионы в разных странах часто оказываются очень прочно втянутыми в международные связи, которые в свою очередь определяют их моносырьевую специализацию. В разной степени это касается канадских провинций (Альберта), австралийских штатов (Квинсленд, Западная Австралия), субъектов Российской Федерации (ХМАО, Сахалинская область) и др.¹³ Свою роль может играть и географический фактор – близость к зарубежным рынкам / потенциальным партнерам, периферийное положение и т.п., которые также влияют на интенсивность внешних связей субнационального актора.

В любом случае данный тип взаимодействия и связанного с ним восприятия является отражением внутренних экономических / национальных / структурных проблем объективного или субъективного свойства, имеющихся в той или иной стране.

Третий тип внешнеполитической деятельности регионов, который можно назвать *синергетическим*, появился позднее первых двух. В его основе лежит взаимовыгодное сотрудничество двух уровней власти в сфе-

ре международной деятельности, в ходе которого они не просто взаимодействуют, но объективно заметно повышают эффективность деятельности друг друга. К этому типу постепенно пришли многие федеративные и децентрализованные государства. В целом его можно охарактеризовать как «*win-win strategy*». С одной стороны, для субнационального актора важно получать поддержку центра, использовать его ресурсы, возможности, инфраструктуру и т.п. С другой – центр видит в парадипломатии инструмент, пригодный не только для решения специфических региональных задач, но также и для усиления государственной внешней политики. Так, канадские провинции используют «федеральные» посольства и консульства для размещения своих зарубежных представительств. Это взял на вооружение даже такой непримиримый «возмутитель спокойствия» как Квебек (например, его бюро в Москве, к сожалению, просуществовавшее очень недолго – чуть больше года – базировалось в здании канадского посольства). В свою очередь, тот факт, что в Международной организации франкофонии (МОФ) представлены и Канада в целом, и канадские провинции Квебек и Нью-Брансуик (со статусом участвующих правительств) объективно существенно усиливает канадское присутствие в этой организации и во франкоязычном мире. Участие регионов в обсуждении международных договоров, которые планирует подписать федеральное/центральное правительство, способствует как эффективности их реализации, так и максимальному учету интересов разного уровня. Эта практика нашла широкое применение во многих федеративных и децентрализованных государствах Западной Европы и Северной Америки¹⁴.

В целом, уже в конце XX в. большинство субнациональных акторов, действующих на международной арене, осознало, что эффективные внешние и внешнеэкономические связи гораздо удобнее развивать во взаимодействии с федеральным центром.

¹³ Жиряева Е.В. Регулирование внешнеэкономической деятельности на региональном уровне в глобальных условиях ВТО. Дисс. <...> д.э.н. СПб., 2018. С. 37.

¹⁴ См.: Насыров И.Р. Регионы в международном сотрудничестве: роль политических и правовых институтов: сравнительный анализ. Дисс. <...> д.полит.н. Казань, 2009.

Как отметил Э.М. Хименес, «за исключением случаев сепаратистского регионализма, успешные регионы ищут возможности действовать в синергии с государствами, к которым они принадлежат»¹⁵. Еще в середине 1990-х гг. известный японский бизнес-стратег К. Омаэ писал, что «идущие за рубеж» процветающие регионы «не являются и не должны являться врагами центральных властей», а наоборот могут стать их «лучшими друзьями»¹⁶.

Данный вариант взаимодействия не вписывался в рамки парадипломатии в том ее виде, в каком она была изначально концептуализирована. На это еще в первой половине 1990-х гг. обратил внимание Б. Хокинг, утверждавший, что концепт парадипломатии был создан для того, подчеркнуть различия между центральным правительством и субнациональными правительствами, усиливая аспекты конфликта между двумя уровнями управления. С его точки зрения такой подход представляется некорректным. Он считает, что предпочтительнее поместить субнациональные правительства в «комплексное дипломатическое окружение». По мнению Хокинга, дипломатия не может рассматриваться как сегментированный процесс, но должна восприниматься как система, где смешиваются акторы различного уровня управления и администрирования. Акторы меняются в соответствии с проблематикой, интересами и их способностью сотрудничать в многоуровневом / многоярусном политическом окружении. Отрицание Хокингом концепта парадипломатии основано на «императивах сотрудничества», которые существуют между центральными правительствами и субъектами федераций. Поэтому он предлагает говорить не о парадипломатии, а о «каталитиче-

ской дипломатии» или «многоуровневой дипломатии»¹⁷.

Представляется, что мы можем продолжать использовать термин парадипломатия в том числе применительно к третьему типу взаимодействия центра и субнационального актора, с одной стороны, исходя из вышеупомянутой многозначности этого термина, с другой – учитывая, что он прочно укоренился в научном дискурсе. Тем более, что существуют весьма компромиссные и нейтральные определения парадипломатии – например, предложенное Н. Корнаго, который понимает под ней «участие нецентральных правительств в международных отношениях посредством установления постоянных или специальных контактов с иностранными государственными или частными структурами с целью продвижения социально-экономических или культурных вопросов, а также любого другого иностранного измерения их конституционной компетенции»¹⁸. В это определение укладываются все три отмеченные нами типа взаимодействия центра и регионов.

В Российской Федерации массовый выход субъектов на международную арену произошел в начале 1990-х гг., в кризисный период распада СССР и становления новой российской государственности. Первоначально их внешние связи были очень слабо связаны с внешней политикой центра, который просто не имел физической возможности контролировать и тем более каким-то образом направлять региональную парадипломатию. Можно сказать, что в 1990-е гг. в нашей стране возобладал «параллельный» тип взаимоотношений национальной внешней политики и международной деятельности субнациональных правительств (имели место и отдельные проявления «конфликтного» типа). В то же время уже во второй

¹⁵ Jiménez, E.M. *Glocalización: Nuevos enfoques teóricos sobre el desarrollo regional (subnacional) en el context de la integración económica y la globalización // Integración y comercio*, 2002, No. 16, Año 6. Enero–Junio, p. 229.

¹⁶ Ohmae, K. *The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies. How New Engines of Prosperity Are Reshaping Global Markets*. NY, L, Toronto, Sydney, Tokyo, Singapore: The Free Press, 1995. P. 100.

¹⁷ Hocking, B. *Introduction // Foreign Relations and Federal State / Ed. by B. Hocking*. Leicester: Leicester University Press, 1993. P. 2-3. См. также: Hocking, B. *Localizing Foreign Policy: Non-Central Governments and Multi-layered Diplomacy*. New York: Palgrave Macmillan, 1993. v, 249 p.

¹⁸ Cornago N. *Diplomacy and Paradiplomacy in the Redefinition of International Security: Dimensions of Conflict and Cooperation // Regional and Federal Studies*, 1999, Vol. 9, No. 1, p. 40.

половине 1990-х гг. центром были предприняты меры по упорядочиванию внешних связей субъектов. В 2000-е гг. в условиях укрепления «вертикали власти» активность международной деятельности регионов несколько снизилась, а сфера – сузилась. При этом сохранявшаяся парадипломатическая активность субъектов Российской Федерации продолжала осуществляться в русле отмеченного выше параллельного типа – регионом оставялась некая ниша, в рамках которой они могли действовать более или менее самостоятельно.

Ситуация начала меняться во второй половине 2010-х гг., когда стала намечаться тенденция к взаимодействию центра и субъектов в решении внешнеполитических задач. При этом инициатива могла идти как «сверху», так и «снизу». С одной стороны, Москва в условиях санкций стала искать альтернативные каналы взаимодействия с зарубежными партнерами. С другой стороны, некоторые регионы стали стремиться к реализации крупных проектов, потенциально имеющих общенациональное значение, которые было затруднительно осуществлять без участия центра. Соответственно был поставлен вопрос об участии субъектов в реализации внешней политики Российской Федерации¹⁹. Кстати, в аналогичном ключе еще в 1990-е гг. стало действовать правительство КНР, которое, столкнувшись с внешнеполитическими затруднениями после событий на площади Тяньаньмэнь, стало побуждать свои провинции и автономные районы «идти за рубеж»²⁰.

Такой вариант взаимодействия внешней политики центра и внешних связей субнационального актора, при котором по-

следние становятся инструментом решения общенациональных задач, на наш взгляд, можно назвать вспомогательной или *ауксилиарной* парадипломатией (от лат. *auxilium* – поддержка, содействие). Она возможна в том случае, когда в федеративной системе имеет место преобладание / доминирование федерального уровня власти (при согласии с этим субъектов). Соответственно субъекты заинтересованы в выполнении тех или иных «поручений» центра, в ходе чего они также получают определенную выгоду / преференции / бонусы. Это может касаться самых разных сфер: от решения экологических проблем в Арктике до стимулирования российского экспорта в странах Ближнего и Среднего Востока. Можно предположить, что в среднесрочной перспективе именно ауксилиарная парадипломатия получит распространение в Российской Федерации, способствуя как региональному, так и национальному развитию.

***

Выявленные нами три варианта взаимодействия международной деятельности субъекта с политикой федерального центра – «параллельный», «конфликтный», «синергетический» – можно рассматривать как своего рода «идеальные типы». На практике, они, безусловно, пересекаются друг с другом, а кроме того, в рамках каждого из них могут иметь место достаточно ярко выраженные вариации, что подтверждает случай ауксилиарной парадипломатии. В то же время представляется, что данные типы могут использоваться при анализе международной деятельности субнациональных акторов и их применение будет способствовать лучшему пониманию феномена парадипломатии.

Литература:

Акимов Ю.Г. Канадский федерализм и конституционно-правовой статус квебекской парадипломатии // Управленческое консультирование. 2016. № 11. С. 18-26.

Акимов Ю.Г. Шарль де Голль и становление «особых отношений» Франции и Квебека // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 6. Вып. 2. С. 146-152.

Акимов Ю.Г. Квебек, Канада и институционализация международного франко-фонного сотрудничества

¹⁹ См., например: Гиматдинов Р., Насыров И., Садыкова Э. Участие регионов в реализации внешней политике Российской Федерации // Международная жизнь. 2019. Август. С. 12-25. [Gimatdinov R., Nasyrov I., Sadykova E. Uchastie regionov v realizatsii vneshe-nei politike Rossiiskoi Federatsii (Region's Participation in the Implementation of the Foreign Policy of Russian Federation) // *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 2019. No. 8 (August), pp. 12-25.]

²⁰ Kuznetsov, A. Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments in International Affairs. London & New York: Routledge, 2015. P. 74.

(конец 1960-х – начало 1970-х гг.) // Канадский ежегодник. 2014. Вып. 18. М., 2014. С. 26–49.

Акимов Ю.Г. Канада, Квебек и вопрос о проведении саммита Франкофонии (1970-е – середина 1980-х годов) // Вестник РГГУ. 2016. № 3 (5). Серия Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. С. 108–121.

Акимов Ю.Г. «Невмешательство и безразличие»: Франция и Квебек в 1976–1985 гг. // Канадский ежегодник. Вып. 20. М.: ИВИ РАН, 2016. С. 58–83.

Гиматдинов Р., Насыров И., Садыкова Э. Участие регионов в реализации внешней политике Российской Федерации // Международная жизнь. 2019. Август. С. 12–25.

Жиряева Е.В. Регулирование внешнеэкономической деятельности на региональном уровне в глобальных условиях ВТО. Дисс. <...> д.э.н. СПб., 2018.

Насыров И.Р. Регионы в международном сотрудничестве: роль политических и правовых институтов: сравнительный анализ. Дисс. <...> д.полит.н. Казань, 2009.

Cornago, N. Diplomacy and Paradiplomacy in the Redefinition of International Security: Dimensions of Conflict and Co-operation // *Regional and Federal Studies*, 1999, Vol. 9, No. 1, pp. 40–47.

Duchacek, I.D. Perforated Sovereignties: Towards a Typology of New Actors in International Relations // *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units* / Ed. by H.J. Michelmann, P. Soldatos. Oxford: Oxford Press, 1990.

Histoire des relations internationales du Québec / Sous la direction de Stéphane Paquin avec la collaboration de Louise Beaudoin. Montréal: VLB éditeur, 2006.

Hocking, B. Introduction // *Foreign Relations and Federal State* / Ed. by B. Hocking. Leicester: Leicester University Press, 1993.

Hocking, B. Localizing Foreign Policy: Non-Central Governments and Multi-layered Diplomacy. New York: Palgrave Macmillan, 1993. 249 p.

Jiménez, E.M. Glocalización: Nuevos enfoques teóricos sobre el desarrollo regional (subnacional) en el context de la integración económica y la globalización // *Integración y comercio*, 2002, No. 16, Año 6. Enero–Junio.

Kuznetsov, A. Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments in International Affairs. London & New York: Routledge, 2015. 174 p.

Lequesne Ch., Paquin S. Federalism, Paradiplomacy and Foreign Policy: A Case of Mutual Neglect // *International Negotiation*, 2017, Vol. 22, pp. 183–204.

Les relations internationales du Québec depuis la Doctrine Gérin-Lajoie (1965–2005): Le prolongement externe des compétences internes / Sous la direction de St. Paquin. Les Presses de l'Université Laval, 2006. Pp. 295–282.

McMillan, S.L. Subnational Foreign Policy Actors: How and Why Governors Participate in U.S. Foreign Policy // *Foreign Policy Analysis*. 2008. Vol. 4, pp. 227–253.

Ohmae, K. The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies. How New Engines of Prosperity Are Reshaping Global Markets. NY, L, Toronto, Sydney, Tokyo, Singapore: The Free Press, 1995. 214 p.

Paquin, S. Paradiplomatie et relations internationales: Théories et stratégies internationales des régions face à la mondialisation / S. Paquin. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2004. P. 3–26.

Paquin, S.; Jeyabalaratnam, G. La politique internationale du Québec sous Jean Charest: l'influence d'un premier ministre // *Revue Québécoise de droit international*, 2016, Hors-série, Juin. P. 165–183.

Soldatos, P. An Explanatory Framework for the Study of Federated States as Foreign-Policy Actors // *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units* / Ed. by H.J. Michelmann, P. Soldatos. Oxford: Oxford Press, 1990. P. 34–38.

References:

Akimov, Yu.G. Kanada, Kvebek i vopros o provedenii sammita Frankofonii (1970-ye – sredina 1980-kh godov) (Canada, Quebec and the Question of Holding the Francophonie Summit (1970s – mid-1980s)) // *Vestnik RGGU*, 2016, No. 3 (5), Seriya Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. Zarubezhnoye regionovedeniye. Vostokovedeniye, pp. 108–121.

Akimov, Yu.G. Kanadskiy federalizm i konstitutsionno-pravovoy status kvebekskoy paradiplomatii (Canadian Federalism and the Constitutional and Legal Status of Quebec Paradiplomacy) // *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye*, 2016, No. 11, pp. 18–26.

Akimov, Yu.G. Kvebek, Kanada i institutsionalizatsiya mezhdunarodnogo frankofonnogo sotrudnichestva (konets 1960-kh – nachalo 1970-kh gg.) (Quebec, Canada and the Institutionalization of International Francophone Cooperation (late 1960s – early 1970s)) // *Kanadskiy yezhegodnik*, 2014, Vyp. 18. Moscow, 2014. Pp. 26–49.

Akimov, Yu.G. Sharl' de Goll' i stanovleniye «osobykh otnosheniy» Fra-tsii i Kvebeka (Charles de Gaulle and the Formation of “Special Relations” between France and Quebec) // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2014, Ser. 6, Vyp. 2, pp. 146–152.

Akimov, Yu.G. «Nevmeshatel'stvo i bezrazlichiyе»: Frantsiya i Kvebek v 1976–1985 gg. (“Non-Intervention and Indifference”: France and Quebec in 1976–1985) // *Kanadskiy yezhegodnik*, Vyp. 20, Moscow: IVI RAN, 2016. Pp. 58–83.

Cornago, N. Diplomacy and Paradiplomacy in the Redefinition of International Security: Dimensions of Conflict and Cooperation // *Regional and Federal Studies*, 1999, Vol. 9, No. 1, pp. 40–47.

Duchacek, I.D. Perforated Sovereignties: Towards a Typology of New Actors in International Relations // *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units* / Ed. by H.J. Michelmann, P. Soldatos. Oxford: Oxford Press, 1990.

Gimatdinov, R., Nasyrov, I., Sadykova, E. Uchastie regionov v realizatsii vnesh-nei politike Rossiiskoi Federatsii (Region's Participation in the Implementation of the Foreign Policy of Russian Federation) // *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 2019, No. 8 (August), pp. 12–25.

Histoire des relations internationales du Québec / Sous la direction de Stéphane Paquin avec la collaboration de Louise Beaudoin. Montréal: VLB éditeur, 2006.

Hocking, B. Introduction // *Foreign Relations and Federal State* / Ed. by B. Hocking. Leicester: Leicester University Press, 1993.

Hocking, B. Localizing Foreign Policy: Non-Central Governments and Multi-layered Diplomacy. New York: Palgrave Macmillan, 1993. 249 p.

Jiménez, E.M. Glocalización: Nuevos enfoques teóricos sobre el desarrollo regional (subnacional) en el context de la integración económica y la globalización // *Integración y comercio*, 2002, No. 16, Año 6. Enero–Junio.

Kuznetsov, A. Theory and Practice of Paradiplomacy: Subnational Governments in International Affairs. London & New York: Routledge, 2015. 174 p.

Lequesne, Ch., Paquin, S. Federalism, Paradiplomacy and Foreign Policy: A Case of Mutual Neglect // *International Negotiation*, 2017, Vol. 22, pp. 183-204.

Les relations internationales du Québec depuis la Doctrine Gérin-Lajoie (1965-2005): Le prolongement externe des compétences internes / Sous la direction de St. Paquin. Les Presses de l'Université Laval, 2006. Pp. 295-282.

McMillan, S.L. Subnational Foreign Policy Actors: How and Why Governors Participate in U.S. Foreign Policy // *Foreign Policy Analysis*. 2008. Vol. 4, pp. 227-253.

Nasyrov, I.R. Regiony v mezhdunarodnom sotrudnichestve: rol' politicheskikh i pravovykh institutov: sravnitel'nyi analiz (Regions in International Cooperation: the Role of Political and Legal Institutions: a Comparative Analysis.). Diss. <...> d.polit.n. Kazan', 2009. 659 p.

Ohmae, K. The End of the Nation State: The Rise of Regional Economies. How New Engines of Prosperity Are Reshaping Global Markets. NY, L, Toronto, Sydney, Tokyo, Singapore: The Free Press, 1995. 214 p

Paquin, S. Paradiplomatie et relations internationales: Théories et stratégies internationales des régions face à la mondialisation / S. Paquin. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2004. P. 3-26.

Paquin, S.; Jeyabalaratnam, G. La politique international du Québec sous Jean Charest: l'influence d'un premier ministre // *Revue Québécoise de droit international*, 2016, Hors-série, Juin. P. 165-183.

Soldatos, P. An Explanatory Framework for the Study of Federated States as Foreign-Policy Actors // *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units* / Ed. by H.J. Michelmann, P. Soldatos. Oxford: Oxford Press, 1990. P. 34-38.

Zhiriaeva, E.V. Regulirovanie vneshneekonomicheskoi deiatel'nosti na regio-nal'nom urovne v global'nykh usloviakh VTO (Regulation of Foreign Economic Activity at the Regional Level in the Global Context of the WTO). Diss. <...> d.e.n. Saint-Petersburg, 2018. 370 p.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10026

INTERNATIONAL ACTIVITIES OF SUBNATIONAL ACTORS AND FOREIGN POLICY OF THE NATION STATE: MODELS OF INTERACTION AND INTERPRETATIONS

Yuri G. Akimov

*Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 21.12.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 03.05.2021</p>	<p>Abstract: The article examines the options for the interaction of paradiplomacy of subnational units – subjects of federations and territorial autonomies – and the national foreign policy of the central governments. The author identifies three main types of interaction: parallel, conflict, synergistic. It is noted that initially the term “paradiplomacy” referred to such external relations of subnational actors of international relations, which developed separately from the foreign policy of the federal level (that is, within the first or second type). It is shown that the development of interaction between foreign activity at the national and subnational levels has led to the expansion of the concept of “paradiplomacy” and the emergence of alternative terms. The author of the article proposes the synthetic term <i>auxiliary paradiplomacy</i> to describe such a type of synergistic interaction between the international activity of the center and the subnational unit, when the latter acts as a tool for achieving national goals.</p>
<p>About the author: Professor, Department of American Studies, Saint Petersburg State University e-mail: y.akimov@spbu.ru</p>	
<p>Key words: paradiplomacy; sub-national units; subjects of federations; territorial autonomies; foreign policy of federal government; types of interaction; auxiliary paradiplomacy</p>	

Для цитирования: Акимов Ю.Г. Международная деятельность субнациональных акторов и внешняя политика государства: варианты взаимодействия и интерпретации // *Сравнительная политика*. 2021. № 3. С. 33-41.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10026

For citation: Akimov, Yuri G. Mezhdunarodnaya deyatel'nost' subnatsional'nykh aktorov i vneshnyaya politika gosudarstva: varianty vzaimodeystviya i interpretatsii (International Activities of Subnational Actors and Foreign Policy of the Nation State: Models of Interaction and Interpretations) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 3, pp. 33-41.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10026